Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что ситуация была совершенно неправильной.

В тот момент, когда Гаунер почувствовал, что меч необычен, его внимание привлекла опрятная одежда мальчика.

Он должен был быть сыном дворянской семьи.

Гаунер быстро понял, что мальчик с мечом имел в виду то, что сказал, и исподтишка отпустил запястье Руэлли.

Затем вперед вышли мужчины, стоявшие позади Итана. Это были Найтс и О’Коннелл, сопровождавшие первенца семьи Бертран.

Некоторые люди, собравшиеся на шумной сцене, узнали Итана.

— Боже мой, это молодой господин дома Бертранов.

Однако тут же люди отступили и понизили голоса. Все знали, что если они испортят Итану настроение, домой они благополучно не вернутся.

— Я… мне очень жаль, молодой господин.

Гаунер, задыхаясь, извинился, но холодный кончик меча на его шее остался на месте.

— Почему ты так шумишь?

О'Коннелл вышел и спросил:

Гаунер боролся с тем, должен ли он встать на колени или выступить в свою защиту, в конце концов он заговорил с трудом.

— Это не я поднял шумиху, а потому что этот малыш солгал мне…!

— Нет, я не врал!

Гаунер полагал, что причина, по которой Итан держал меч на шее, заключалась в том, что он вызвал переполох.

В поисках способа сбежать Гаунер закричал, толкая Руэлли вперед.

— Молодой господин, эта отвратительная тварь использует хитрую уловку. Она производит и продает запрещенные лекарства, чтобы вводить людей в заблуждение!

Слова Гаунера заставили Руэлли побледнеть.

Она торопливо посмотрела на Итана, но не смогла разобрать в его сухом выражении никакого смысла.

Итан слегка покачал головой, и О'Коннелл, стоявший прямо за ним, снова спросил:

— Неразрешенные наркотики?

— Да все верно. Каждый день подниматься на гору небезопасно, но она берет от туда траву,

чтобы делать лекарства.

О’Коннелл посмотрел на Руэлли.

Это была девушка, которую он встретил на горе на днях, та самая, которая прочитала все монастырские медицинские книги.

Конечно, она не была похожа на обычного ребенка, когда он впервые встретил ее. О'Коннелл не знал, что делать с выражением ее лица.

— Это правда?

Губы Руэлли посинели, когда она задрожала.

— Я никогда не продавал их за деньги. Ни разу. Я просто знаю, как делать лекарства и раздавать их людям, которые в них нуждаются.

— Что за лекарство ты сделала?

Было непросто понять, как такая маленькая девочка могла делать лекарства. Однако, учитывая вызванный этим переполох, казалось, что слова Гаунера не были полностью ложными.

— Говорят, что это хорошая мазь для тех, кто порезался ветками деревьев или получил травму при лазании по горам. Она помогает ране зажить.

О’Коннелл прекрасно осознавал тот факт, что в последнее время фермеры оказались в тяжелом положении, не было еды и даже уходили в горы на охоту. Те, кто не привык ходить по ухабистым горным тропам, могли пораниться или попасть под удар диких кабанов.

Руэлли продолжала слабым голосом.

— Большинство людей здесь не могут купить лекарства, даже если они больны. Как они могут получить лекарства, если им нечего есть? Вот почему я скопировал то, что говорят медицинские книги. Так уж вышло, что это сработало... и я раздала его тем, кто в нем нуждался. Это все.

Руэлли изо всех сил старалась не заплакать.

Гаунер, с другой стороны, все больше разочаровывался. Плачущий ребенок опасен. Кроме того, его уши начали ловить перешептывания сторонников Руэлли.

— Если бы не она, я мог бы страдать довольно долго.

— Слава богу, ее мазь быстро залечила мои раны, и я снова могу ходить.

Если он не сможет изменить настроение здесь, у него могут быть большие проблемы.

Гаунер вскочил и повысил голос.

— Нет! Она очень злая девочка. Я ясно слышал, что она делает наркотики, чтобы продавать их за деньги!

Шумиха от слов Гаунера усилилась.

— Наркотики?

— Боже мой!

— Фаденос, должно быть, замешан в этом.

Руэлли не была кроткой девочкой, которая всегда слушалась отца, но она никогда не сделала бы ничего, что могло бы опозорить его имя.

Руэлли сжала кулаки и закричала на голоса, которые нападали на нее сзади.

— Это нелепо! Клянусь богом, я бы никогда так не поступила!

— Вранье! Ты уже достаточно взрослая, чтобы быть умной и хитрой! Она ведьма!

— громко и резко запротестовал Гаунер с налитыми кровью глазами. Руэлли, которая пыталась найти свой собственный голос, не могла больше ничего сказать из-за импульса Гаунера.

Как только она услышала слово «ведьма», она вспомнила, что ее отец настаивал на том, что она должна скрывать свои способности, несмотря ни на что.

— Она выглядит как ребенок, но она ведьма. Пока не….!

Это было глупое решение, однако Гаунер продолжал оправдываться.

Этан больше не мог выносить этот шум.

— О'Коннелл, уведите его отсюда.

— О, молодой господин!

— Вы говорите, что она ведьма, которая продает странные лекарства, но зачем вам лекарства, которые она делает?

Услышав холодный голос Итана, Гаунер был ошеломлен и не мог ничего сказать.

— Разве ты не кричал ей, чтобы она сделала тебе лекарство?

— Это…

— Если бы это было правдой, зачем тебе наркотик, сделанный ведьмой?

— Нет, это совершенно не так …!

— Довольно того, что вы шумите на площади, а мне смеете врать. О'Коннелл, отвезите его в трудовой лагерь.

— О, молодой господин. Прости, прости!

Гул на площади и собравшиеся взгляды моментально стихли. Когда рыцари оттащили кричащего Гаунера, Руэлли прикрыла рот своей маленькой ручкой.

Слезы, которые она сдерживала, вот-вот лопнут, но она знала, что должна вытерпеть это. В противном случае суровое наказание могло быть направлено и на нее.

— Лиоте Лацинт.

Итан позвал Руэлли низким голосом.

Это было не ее имя, но все же она не могла вынести холода, охватившего ее макушку.

— Производство или продажа запрещенных лекарств является незаконным.

Обе ее ноги тряслись, и она не могла стоять на месте. Руэлли упала на пол и опустилась на колени.

— Мне жаль.

Мужчина, который кричал на нее раньше, уменьшался вдали. Тем временем Руэлли, склонившая голову вдоль тропинки, где он исчез, крепко закусила губу и подавила болезненный вздох.

— Руэлли!

В этот момент она увидела своего отца, бегущего к ней на расстоянии.

Руэлли, которая дышала с трудом, замерла, как статуя, в тот момент, когда отец позвал ее по имени.

'Нет нет нет.'

Она потеряла шанс быть честной со своим именем. Руэлли не могла смотреть на Итана и кусать свою нижнюю губу.

— О боже, Руэлли.

Фаденос бросился сквозь толпу и обнял Руэлли, не замечая стоявших там Итана и его рыцарей.

— Что здесь происходит, пожалуйста… Руэлли.

Лицо Руэлли было бледным, но казалось, что она в безопасности, несмотря на мрачную сцену. Убедившись, что Руэлли в безопасности, он заметил окружающих ее мужчин.

— Будь вежлив.

Услышав торжественный голос О'Коннелла, Фаденос быстро снял шляпу и склонил голову.

— Молодой господин, это Фаденос. Отец Руэлли.

Руэлли не могла больше терпеть, поэтому она плотно закрыла глаза. У нее кружилась голова.

Разве безжалостный характер Итана не предстал перед ее глазами? Он никогда не простил бы ей того, что она солгала ему.

Руэлли, которая бросила все, подняла влажные глаза и взглянула на Итана.

Итан ничего не сказал, только медленно вонзил свой меч.

Когда ее взгляд встретился с его, Руэлли не выдержала страха и склонила голову.

— Мне жаль.

Руэлли знала, что это глупая идея, но надеялась, что Итан что-нибудь ей скажет.

Она хотела, чтобы он сказал, что оставит это без внимания, или наказал ее за то, что она просто обманывала его, что угодно.

Итан, однако, не смотрел на нее, когда она села на пол и в конце концов вышел с площади.

— Руэлли, с тобой все в порядке?

— Отец.

Наконец эмоции, которые она подавляла, вырвались наружу. Руэлли долго плакала в объятиях Фаденоса.

— Мне жаль.

Фаденос взял ее за голову и медленно похлопал по спине.

— Не говори так.

Когда притяжение исчезло, люди быстро потеряли интерес и начали медленно разбегаться.

Когда Руэлли была на руках отца, она наконец поняла, чего боялся ее отец.

— Руэлли, это нормально, что тебе нравится что-то делать, но я беспокоюсь о тебе.

— Почему это? Вы сказали, что важно помогать людям.

— Где свет, там и тень. Иногда полезно помочь, а иногда нет.

Поплакав некоторое время, Руэлли наконец успокоилась. Она потерла покрасневший нос тыльной стороной ладони и сказала хриплым голосом:

— Отец, я хочу домой.

Фаденос кивнул, глядя на Руэлли. Из людского ропота он узнал, что Гаунера должны отправить в трудовой лагерь. Однако подробности ситуации были неизвестны.

— Как Гаунер оказался в таком состоянии?

Гаунер не имел никакого отношения к Фаденосу. Он был вспыльчивым и сквернословящим, но не настолько плохим, чтобы попасть в исправительно-трудовой лагерь.

Фаденос напряг нижнюю челюсть и помог Руэлли подняться.

— Пошли, Руэлли.

— Прости, отец. Я должена была тебя слушать.

Руэлли все еще дрожала от беспокойства.

Фаденос обнял Руэлли за плечи.

— Уже все хорошо. Пойдем домой и поговорим о деталях.

— Кажется, я знаю, насколько страшной может быть темнота. Я больше никогда не буду действовать самостоятельно.

Не говоря ни слова, Фаденос провел рукой по волосам Руэлли.

Бурный полдень подходил к концу.

http://tl.rulate.ru/book/56783/2043414